

О.В. АУРОВ

ВИЗАНТИЙСКИЙ МИР В ЗЕРКАЛЕ КАСТИЛЬСКОГО И ЛЕОНСКОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ XIII ВЕКА

В статье рассматриваются истоки и особенности эволюции негативных стереотипов восприятия Византии («Греции») и византийцев («греков») в хрониках, созданных в XIII в. на латинском и разговорном (старокастильском) языке в пиренейских королевствах Кастилия и Леон. Основная особенность состояла в жестком противопоставлении позитивного образа греков древности (философов, героев, полководцев) негативным оценкам «греков» применительно к христианской эпохе. Реальные причины этого явления объяснялись как общими для Латинского Запада тенденциями в этой сфере, возобладавшими после IV Крестового похода (1204 г.), так и внутренними условиями развития кастильской и леонской хроники.

Ключевые слова: Византия, Латинский Запад, Кастилия и Леон, реконкиста, Четвертый крестовый поход, средневековая историография, культурные стереотипы

Данная статья посвящена проблеме истоков и эволюции негативных стереотипов восприятия Византии и византийцев в хрониках, написанных на латинском и разговорном (старокастильском) языках в эпоху Четвертого крестового похода (1204), в пиренейских королевствах Кастилия и Леон, которые объединились в 1230 г. под властью единой династии в период правления Фернандо III Святого (1217-1252).

Применительно к другим регионам средневекового Запада истоки и характер стереотипов такого рода нельзя отнести к числу малоизученных¹. Однако стереотипы восприятия Византии и византийцев, бытовавшие в средневековых государствах Пиренейского полуострова в эпоху Четвертого крестового похода до сих пор остаются практически неисследованными. Эта тематика не рассматривается в общих работах по истории Византии, написанных испанскими и португальскими медиевистами (включая исследования последних лет²); в тех же случаях, когда ученые из Испании и Португалии все-таки затрагивают проблему религиозных и культурных истоков негативных стереотипов взаимовосприятия средневекового Запада и христианского Востока, они, как правило, рассматривают ее в общем виде, не обращаясь к собственно пиренейскому (в том числе – кастильскому и леонскому) материалу³.

Между тем, специфика именно этого материала делает его весьма интересным объектом исследования. Действительно, объяснить появление негативных образов «Константинопольской империи» и ее жителей

¹ См., напр.: Острогорский 2011: 515; Laiou-Thomadakis 2012: 17-140; Brand 1968, Angold 1999, 2003; Philips 2011, Harris 2014; Ullmann 1965: 94-95; Canning 2005: 341-343; Melicharová 2004: 5-16; Mitsiou 2015: 67-69.

² См., напр.: Cabrera 2012; Hernández de la Fuente 2014.

³ Faci 1999: 473-486; Orlandis 2004: 247-253; Acerbi 2009: 29-39.

в кастильских и леонских текстах политическими или экономическими причинами невозможно: Кастилия и Леон не рассматривали Византию как особый объект интересов. Как правило, сфера активности их королей была ограничена пределами Пиренейского полуострова и прилегающих к нему регионов (Северная Африка и Прованс, в меньшей степени – Франция)⁴. Даже в период борьбы Альфонсо X Мудрого (1252–1284) за престол Священной римской империи (1256–1275), т.н. *fecho del imperio*, главенствующим для него все равно оставалось «пиренейское» измерение⁵. Преемники же Альфонсо X – Санчо IV Храбрый и Фернандо IV, пришедший к власти малолетним⁶, – были вынуждены практически отказаться от активной политики за пределами полуострова. При этом, в отличие от Арагонской Короны (объединение на основе личной унии Арагона, Каталонии и Валенсии), на протяжении всего XIII столетия – ни в периоды подъема, ни в моменты упадка – Кастилия и Леон не занимались средиземноморской экспансией.

Таким образом, причины формирования негативных стереотипов восприятия Византии и византийцев следует связывать преимущественно с процессами внутреннего развития самой кастильской и леонской историографии. XIII век в ее истории был ознаменован настоящим расцветом. В это время не только появился целый ряд масштабных латинских хроник («Латинская хроника королей Кастилии» (ок. 1237), «Всемирная хроника» Луки Туйского (ок. 1238), «История об испанских делах» Родриго Хименеса де Рады (ок. 1247) и «О похвале Испании или Наставление правителю» бр. Хуана Хилья из Саморы (ок. 1282) и нек. др.)⁷, но и начался процесс формирования историографии на разговорном (средневековом кастильском) языке, что резко изменило роль историописания в формировании общественного мнения⁸.

В последнем случае речь идет, главным образом, о сознании правящих церковных и светских элит, отныне способных воспринимать текст исторических памятников хотя бы на слух, тогда как в предшествующий период аудитория латинской хронистики состояла почти исключительно из образованного духовенства, а представленные в ней идеи могли усваиваться знатными мирянами лишь косвенным путем.

В течение XIII в. был составлен целый ряд исторических сочинений на старокастильском языке. Одни из них, в частности, локальные по охвату материала I и II Толедские анналы (1219 и 1250) и «Хроника заселения Авилы» (ок. 1255), не представляют особого интереса для данного исследования⁹, но другие содержат крайне важную информацию.

⁴ González Jiménez 2006; González Jiménez 2004: 73-79, 107-162, 273-294.

⁵ См. об этом: Ayala Martínez 1986; 1987: 5-31; 1993: 41-71; 2004-2005: 101-146.

⁶ Nieto Soria 2014: 89-115; González Mínguez 2017: 33-46, 81-89, 99-102, 118-129.

⁷ Linehan P. 1993: 313-505; Anales 1757; Fenández Valverde 1987; Falque 2003; Charlo Brea 1984; Juan Gil 1955.

⁸ Kasten 1990: 33-45; Cárdenas 1990: 90-108.

⁹ Linehan P. 1993: 313-315.

Речь идет о трех масштабных хрониках, составленных под руководством Альфонсо X в 1270–1280-х гг. – «Истории Испании» (Первоначальная и Критическая редакции)¹⁰, «Великой и Всеобщей истории»¹¹, а также ранней версии «Великого завоевания заморских земель»¹².

Появление в кастильских и леонских хрониках сюжетов о Византии и византийцах было прямо связано с событиями Четвертого крестового похода (1204), что в первую очередь отразилось в содержании памятников, испытавших хотя бы косвенное запернейское влияние, дух альбигойских войн. В первую очередь речь идет к проникнутой про-французскими влияниями «Латинской хронике королей Кастилии», вероятным автором которой, как принято считать, являлся Хуан де Сория, занимавший пост канцлера Королевства Кастилия в 1217–1239 гг., при короле Фернандо III. Рассказ об основных вехах истории Кастилии начиная с X в. хронист дополнил сообщениями о событиях за пределами королевства. Среди прочего, он повествует об истории крестового похода, причины которого видит лишь в прямом обращении Алексея Ангела к «франкам» и ломбардцам за помощью в защите его прав на престол. Победа крестоносцев представляется чудом, явившим силу Господа: благодаря ей немногочисленным «франкам» удалось одержать победу над многократно превосходящими их «греками». В нейтральном тоне сообщается об огромной добыче, взятой крестоносцами и состоявшей из золота, серебра, драгоценных камней, шелковых тканей и других дорогих вещей, которыми изобиловал город. Особый оттенок придает упоминание о личной встрече хрониста с латинским патриархом Константинополя на IV Латеранском соборе (1215)¹³.

Несмотря на очевидное сочувствие автора крестоносцам, мы не видим в его тексте проявлений какого-либо неприятия «греков» и их христианской веры. В кастильской и леонской хронистике настроения подобного рода впервые проявились в другом памятнике – «Всемирной (на деле – сугубо испанской – *О.А.*) хронике», написанной Лукой (Лукасасом) Туйским (ум. в 1249 г.), каноником леонского коллегия св. Исидора, а впоследствии – епископом Туя в северо-западной области Галисия. Обширная латинская хроника состоит из четырех книг, в первой из которых сообщения о древнейшем периоде истории Греции (греческая языческая религия, основание Афин легендарным Кекропом, греческие язык, культура и образование, Троянская война, греко-персидские войны, войны с римлянами и т.п.) изложены относительно нейтрально, а порой даже с уважением к сообщаемым фактам и к народу, с историей которого они связаны¹⁴. Особенно это позитивное отношение ощуща-

¹⁰ Menéndez Pidal 1977; Fernández Ordoñez 1993; Campa Gutiérrez 2009.

¹¹ Alfonso X 2001-2009.

¹² Gayangos 1951.

¹³ Charlo Brea 1984: 46.

¹⁴ Falque 2003. I.17.19; I.25.7; I.26.8; I.40.9; I.85.2 и др.

ется, когда речь заходит о Гомере, Аристофане, Сократе, Платоне и др.¹⁵, известных хронисту по позднейшим и далеко не всегда надежным латинским компендиумам и переложениям (из-за чего, например, Аристотель оказывается у него «испанцем»)¹⁶.

Однако тональность рассказа резко меняется, когда речь заходит о христианском периоде истории «Греции» и «греков». С явной неприязнью говорится уже о нежелании последних принять латинскую Библию¹⁷. Применительно же к вопросам веры ромеи («греки», «уроженцы Греции») предстают у Луки Туйского людьми хитрыми и вероломными, а в лучшем случае – наивными и ограниченными. Наиболее показателен, в этом плане, рассказ о греке-паломнике, явившемся в Иерусалим и не понимавшем, что св. Иакова Компостельского следует почитать как рыцаря, а не как рыбака. Явление святого этому греку превращается в знамение, предвещающее неминуемое (с Божьей помощью) взятие Коимбры войсками кастильского короля Фернандо I. Вне чуда же, насколько можно понять, «гречишка» (*Greculus*) не был способен понять истину, явленную в Писании¹⁸.

Генерализируя это представление, Лука Туйский делает акцент на склонности «греков» к ереси, вплоть до возможности полного отказа от христианства. Так, показателен его рассказ о некоем Теодискле, греке по происхождению (*natione Grecus*), будто бы являвшемся преемником знаменитого Исидора Севильского по севильской кафедре: будучи обвинен в приверженности ереси адопционизма, он утаил некоторые исидоровы сочинения (в частности, «О природе вещей») и способствовал их тайному переводу на арабский неким «арабом по имени Авиценна», разбавив к тому же содержание текстов своими ложными измышлениями. В конце концов Теодискл вообще отрекся от христианства, принял ислам и бежал «к арабам», где распространял всякого рода домыслы об императоре «Гераклии» (вероятно, имеется в виду Ираклий I (610-641))¹⁹.

Прямым следствием склонности «греков» к ереси оказывается их неверность как вассалов. Исходя из этого, Лука Туйский без всяких на то оснований «неожиданно» обнаруживает греческое происхождение ряда отрицательных персонажей раннесредневековой испанской истории. Прежде всего, в «греки» оказался записан такой одиозный персонаж, как дукс (герцог) Павел, поднявший в 672 г. восстание против законного вестготского короля Вамбы (672–680). Рассказ об этих событиях восходит к знаменитой «Истории короля Вамбы», написанной современником и участником событий Юлианом Толедским, к которому и восходит вся традиция сообщений о междоусобной войне 672–673 гг.;

¹⁵ Falque 2003. I.72.7, I.73, I.75 и др.

¹⁶ Falque 2003: “Antiquitate preterea philosophorum fulget Yspania, eo quod genuit Aristotilem summum philosophum...” (Praef. 2.81).

¹⁷ Falque 2003. I.146.6.

¹⁸ Falque 2003. IV.51.62. В основе рассказа, несомненно, лежит устная традиция.

¹⁹ Falque 2003. III.4.1.

но ни Юлиан Толедский, не хронисты IX–XII вв., опиравшиеся на его свидетельство, ничего не сообщают о происхождении Павла, и лишь Лука Туйский привносит в повествование сомнительную «новацию»²⁰.

Подобным же образом хронист трансформировал рассказ о незаконном приходе к власти вестготского короля Эрвигия (680–687), который хитростью сместил с престола короля Вамбу. Он дал ему выпить ядовитый отвар, из-за чего последний лишился сознания, был принят за умирающего, соборован и, согласно обычаям толедской монархии, пострижен в монахи, чтобы после смерти немедленно вступить в Царство Небесное. Когда же неожиданно Вамба очнулся, выяснилось, что возвращение на трон для него невозможно, ибо монах не может быть королем. При этом указано, что Ардабаст, отец вероломного Эрвигия, «прибыл из Греции»²¹, так что и его сын де-факто оказывается «греком».

Идеи Луки Туйского оказались столь значимыми для современников, что отразились и в текстах много более информированных авторов – толедского архиепископа Родриго Хименеса де Рада (ок. 1170–1247) и (в меньшей степени) ученого францисканца бр. Хуана Хиля (Эгидия) из Саморы (ок. 1241 – ок. 1318). В первом случае мы видим то же противопоставление позитивных по духу сообщений о событиях древней греческой истории и выдающихся греках античной эпохи (в числе которых – Аякс, Ахилл, Приам²², но в первую очередь – Геракл (Геркулес), которому атрибутируется основание первых греческих городов²³), с одной стороны, и негативной информации о «греках» христианского времени, с другой (в частности, утверждений о греческом происхождении мятежников Павла и Эрвигия²⁴). Сам хронист как будто не ощущает явного несоответствия между собственными словами о «мудрости» греков (которым уподобляются «предки» испанцев – готы)²⁵ и негативными оценками «греков»-христиан. Тем не менее, по сравнению со своим леонским предшественником, Родриго Толедский дал все же более сбалансированную картину истории «греков» и «Греции» даже тогда, когда сообщает о христианском периоде этой истории. В частности, в нейтральных тонах он рассказывает о местоположении Константинополя, с симпатией говоря о его красоте и богатстве (в связи с сообщением о посещении города вестготским королем Атанарихом), скорбит о последствиях разорения Греции готами и т.п.²⁶ Показательно и то, что, будучи современником крестового похода 1204 г., энтузиастом крестоносного

²⁰ Iulianus Toletanus 1976.

²¹ Falque 2003. III.58.9.

²² Fenández Valverde 1987. I.13.22 и др.

²³ Fenández Valverde 1987. Prol.85; I.1.38; I.2.9; I.38, 40, 41, 50; I.4.1, 2, 10, 11, 13, 18, 29; I.5.1, 25, 32, 50; I.6.1, 2, 16, 24, 26, 28, 41, 44; I.7.3; I.12.55, 56, 57, 60, 65; I.13.8, 11–12, 13, 15; III.22.8.

²⁴ Fenández Valverde 1987. III.2.20, III.12.29.

²⁵ Fenández Valverde 1987. I.10.21.

²⁶ Fenández Valverde 1987. I.14.8; II.3.26; III.21.4.

движения (он был инициатором крестового похода 1212 г., завершившегося победой над берберами-альмохадами в битве при Лас-Навас-де-Толоса) и участником IV Латеранского собора 1215 г., Родриго уклонился от рассказа о разорении Константинополя в 1204 г., сообщив лишь о занятии престола Латинской империи Балдуином Фландрским²⁷.

Таким образом, представления о Византии и византийцах к середине XIII в., господствовавшие в среде знати и высшего клира Кастилии и Леона, были, вероятно, более сбалансированными, чем это можно было бы представить по сочинению Луки Туйского. И все же негативное преобладало. В пользу этого вывода свидетельствует также содержание труда «О похвале Испании или Наставление правителю» францисканца бр. Хуана Хилья. Замыкающее традицию латинской хронистики в Кастилии и Леоне XIII в., это сочинение лишь с некоторой долей условности может быть отнесено к историографии *stricto sensu*. Скорее речь идет о панегирике и, одновременно, труде антиквара, компиляции, одиннадцать «книг» которой собрали сведения о населении Испании в ее римских границах (кн. I), о плодородии ее почв (кн. II), о свободе ее жителей (кн. III), о военной мощи испанцев (кн. IV) и храбрейших мужах из их числа (кн. V), святых и достойных мужах (кн. VI), философах и ученых Испании (кн. VII), названиях поселений полуострова (кн. VIII), о неприязни испанцами тирании правителей и могущественных людей (кн. IX), правах магнатов и обязанностях вассалов (кн. X), наконец, о безопасности в делах военных (кн. XI). Однако, при всей пестроте содержания сочинения, именно историографический метод отбора и изложения материала выступает в нем в качестве основополагающего. Кроме того, примеры из прошлого абсолютно доминируют в авторской аргументации. Поэтому, с некоторыми оговорками, «О похвале Испании...» может рассматриваться как памятник средневековой историографии.

Дополнительное основание в пользу этого утверждения дают прямые параллели между сочинениями бр. Хуана Хилья и Луки Туйского, причем, в данном случае факт использования «Всемирной хроники» как источника подтверждается прямыми цитатами (“secundum Lucam Tudesem Episcopum”)²⁸. Вслед за своим предшественником бр. Хуан Хилья повторяет тезис об испанском происхождении Аристотеля²⁹ и о греческом – вероломного Эрвигия (через Ардабаста)³⁰. Однако, в отличие от Луки, он не причисляет к «грекам» мятежника дукса Павла, и это вовсе не случайная оговорка: рассказ о мятеже 672–673 гг. против короля Вамбы повторяется трижды в разных частях сочинения³¹. В целом, бр. Хуан Хилья придерживается гораздо более нейтрального тона повествования. Он добавляет собственные замечания о мудрости греков, о роли Афин

²⁷ Fenández Valverde 1987. VII.24.33.

²⁸ Juan Gil 1955: 175 (VII.1).

²⁹ Juan Gil 1955: 175-176 (VII.1)

³⁰ Juan Gil 1955: 75 (V.11).

³¹ Juan Gil 1955: 75 (V.11), 237 (VIII.7), 319 (IX.10).

как центра учености и места расположения богатейших библиотек³², а традиционный перечень героев и мудрецов древности (Геркулес, Гомер, Сократ, Платон, Александр Великий)³³ пополняет сообщениями о ярких личностях византийского времени. В их числе – императоры Константин Великий, Феодосий I (который, впрочем, смешивается с Феодосием II Младшим), Либерий (возможно имеется в виду Тиверий II (574–582)), Маврикий (582–602), Фока (602–610), Лев VI Хазар (775–780), Константин VI (790–797), а также императрица Ирина (780–790, 797–802)³⁴.

Сказанное свидетельствует о том, что волна ненависти, связанная с событиями Четвертого крестового похода, в западном Средиземноморье постепенно сошла на нет; тем не менее, и в этих условиях позитивный образ ромея и Ромейской империи отнюдь не возобладал над негативным. Более того, та же тенденция прослеживается и в развитии возникшей в середине столетия историографии на разговорном (старокастильском) языке, появление которой связано с именем Альфонсо X Мудрого. Оставляя в стороне «Великую и Всеобщую историю», изложение событий в которой было доведено только до рассказа о родителях Иоанна Крестителя (до I в. н.э.)³⁵, обратимся к другому труду Мудрого Короля, пусть и сохранившемуся в разных редакциях, но позволяющему судить об авторских оценках современных событий, в т.ч. связанных с крестовым походом 1204 г. и его последствиями.

Речь идет об «Истории Испании», сохранившейся в трех наиболее ранних версиях: «Изначальной версии» (ок. 1270–1274), «Критической версии» (1282–1284) и «Расширенной версии (или хронике) 1289 г.»³⁶. Эти тексты, обращенные к гораздо более широкой аудитории (главным образом, к светской знати), чем латинская хронистика, не отказались от грекофобских сюжетов Луки Туйского и даже придали им дополнительную внешнюю яркость. Наиболее известная из редакций памятника, которая представляет собой результат компиляции «Изначальной версии» (сохранившейся, главным образом, в эскориальской рукописи Y-I-2, происходящей непосредственно из скриптория Альфонсо X) с фрагментами более поздних версий, осуществленной королевским нотарием Фернаном Санчесом из Валадолида между 1321 и 1344 гг. и сохранившейся в эскориальской рукописи X-I-4, была издана Р. Мендесом Пидалем под названием «Первая всеобщая хроника Испании»³⁷. Упомянутый «греков», «Греции» и «Константинопольской империи» в хронике десятки. Все они в той или иной мере воспроизводят конструкцию «Всемирной хроники» Луки Туйского, ставшей (наряду с «Готской историей» Родриго Хименеса де Рада) одним из основных источников «Исто-

³² Juan Gil 1955: 34 (III.4), 70 (V.5).

³³ Juan Gil 1955: 29 (III.2), 49 (IV.5), 51 (IV.5), 54 (IV.6), 176 (VII.1), 204 (VII.4) и др.

³⁴ Juan Gil 1955: 70-71 (V.5), 297 (IX.7), 301 (IX.7), 302-304 (IX.8).

³⁵ Alfonso X el Sabio 2001-2009.

³⁶ Fernández-Ordóñez 2000: 219-255.

³⁷ Menéndez Pidal 1977.

рии Испании»: восхищение греками прошлого сочетается в тексте с негативными оценками «греческого» христианства и «греческой» современности. В сочинение, составленное под руководством Альфонсо X, «перекочевали» все наиболее грекофобские сюжеты: рассказы о «Теодисте», еретике, вероотступнике и фальсификаторе трудов Исидора Севильского³⁸, мятежнике Павле, «уроженце Греции» и неверном вассале, нарушившем принесенный своему сеньору оммаж³⁹, изгнанном со своей «греческой» родины «Ардавасте», отце вероломного короля Эрвигия⁴⁰, а также наивном «греке»-паломнике, не способном понять суть культа св. Иакова Компостельского (в «Истории Испании» он становится епископом и получает имя Эстиан, а упоминание об Иерусалиме полностью исчезает)⁴¹. Ко всему этому добавляется негативная оценка «злодеяний и набегов» «греков» по отношению к Латинской империи⁴².

Рассказ о событиях Четвертого крестового похода в хронике отсутствует. Он появляется в ранней версии другого сочинения того же периода, порой неофициально именуемого «Третьей всеобщей хроникой» (дополнение к первой и второй – «Великой и Всеобщей истории» и «Истории Испании»). Речь идет о «Великом завоевании в заморских землях» (“*Gran Conquista de Ultramar*”) – переложении старофранцузской версии известной крестоносной хроники Вильгельма (Гильома) Тирского «История деяний в заморских землях» (“*Historia rerum in partibus transmarinis gestarum*”), составленной между 1170 и 1184 гг. и в 23 «книгах» излагающей события 1095–1183 гг. Сама старофранцузская версия (“*L’Estoire d’Eracles empereur et la conquete de la terre d’Outremer*”, “*Conquete d’Outremer*”, “*Roman d’Eracle*”) в своем раннем варианте появилась около 1223 г., а затем дополнялась продолжениями, сначала до 1275 г., а затем (ее автором стал Гастон де Ноайе, епископ Шалона) – до 1295 г. В дополнение к латинскому оригиналу, версия вобрала в себя ряд провансальских текстов (поэмы «Песнь об Антиохии», «Завоевание Иерусалима», «Юные годы Годфрида Бульонского», роман «Завоевание Антиохии» и др.). Кастильская версия, составленная на основе старофранцузской, возникла между 1291 и 1295 гг. и довела повествование до 1271 г. Позднее она была продолжена и дополнена данными ряда источников, однако, наиболее ранний (неполный) вариант сохранился в рукописи MSS/1187 (XIV в.) Национальной библиотеки в Мадриде⁴³.

Помимо многочисленных спорадических упоминаний о «греках» и «Греции», эта версия, охватывающая события от предыстории Первого Крестового похода до смерти Балдуина Фландрского и последовавших за ней крестовых походов, среди прочего, в своей четвертой книге рас-

³⁸ Menéndez Pidal 1977. Cap. 504.

³⁹ Menéndez Pidal 1977. Cap. 514.

⁴⁰ Menéndez Pidal 1977. Cap. 538.

⁴¹ Menéndez Pidal 1977. Cap. 807.

⁴² Menéndez Pidal 1977. Cap. 997.

⁴³ Gómez Redondo 1998: 1029-1054; Bautista 2005: 3370.

сказывает и о Четвертом крестовом походе⁴⁴. Главные же события излагаются в главах 273-274 (взятие Константинополя, жесткое разграбление города и раздел добычи между крестоносцами). При этом общий тон повествования оказывается более нейтральным (по сравнению с «Историей Испании»), а жесткое разграбление города прямо осуждается⁴⁵. Тем не менее, элементы грекофобии, уже ставшие привычными, здесь и там рассеяны по тексту памятника и составляют элемент общего фона повествования, столь же привычного, сколь, надо полагать, и неизбежного. В этом контексте избиение «греков», проникнутых ненавистью к «латинским псам» (*canes latinos*)⁴⁶, оказывается, в конечном итоге, вполне оправданным и уместным (пусть и не особенно достойным).

Итак, к концу столетия, на фоне спада волны ненависти, вызванной событиями Четвертого крестового похода, в сознании не только западного духовенства, но и светской знати, и верхушки бюргерства (основной аудитории хроник, написанных на старокастильском языке) особенно явственно выделяются «фоновые» элементы грекофобии, по сути превратившиеся в топос, его явное противоречие соседствующим с ними возвышенным оценкам «греческой мудрости» и деяний выдающихся греков древности как будто не смущает читателей. Этот кажущийся парадокс я могу объяснить лишь одной причиной – привычкой кастильско-леонского общества к подобным стереотипам, а именно – к модели восприятия иудеев, народа, вызывающего восхищение христианских авторов применительно к эпохе Ветхого Завета и крайне негативно характеризуемого в контексте христианского времени⁴⁷. Эти стереотипы получили широкое отражение в кастильских и леонских хрониках, в т.ч. в «Великой и всеобщей истории» Альфонсо Мудрого. Однако подобные свидетельства составляют предмет отдельного исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Коэн М.Р. Под сенью креста и полумесяца: евреи в Средние века. М.: Книжники, Текст, 2013. – 368 с. Cohen M.R. Pod senyu kresta i polumesyaca: evrei v srednie-veka /Transl. from English. Moscow: Knizhniki, Text, 2013. – 368 p.
- Острогорский Г.А. История Византийского государства. М.: Сибирская благовонница, 2011. 895 с. Ostrogorskij G.A. Istoriya Vizantijskogo Gosudarstva. Moscow: Sibirskaia Blagovonnica, 2011. 895 p.
- Стоу К. Отчужденное меньшинство. Евреи в средневековой латинской Европе. М., Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2007. – 430 с. Stow K.R. Otchuzhdennoe men'shinstvo. Evrei v srednevekovoj latinskoj-Evrope /Transl. from English. Moscow, Jerusalem, Mosty kultury, Gesharim, 2007. – 430 p.
- Acerbi S. La ruptura entre Oriente y Occidente al final de la Antigüedad: Roma, Constantinopla y las Ecclesiae Separatae (siglos V-VII) // Mainake. 2009. T. 31. P. 29-39.
- Alfonso X el Sabio. General Estoria / 6 partes, 10 tomos. Madrid: Fundación José Antonio de Castro, 2001-2009.
- Anales Toledanos I (ad a. 1219). Anales Toledanos II (ad a. 1250). Anales Toledanos III (ad a. 1303) // España Sagrada. T. 23. Madrid: Por Antonio Marin, 1757. P. 381 – 423.

⁴⁴ Gayangos 1951. Lib. IV.269-275.

⁴⁵ Gayangos 1951. Lib. IV.274.

⁴⁶ Gayangos 1951. Lib. IV.271.

⁴⁷ См., например: Стоу 2007: 20-35; Коэн 2013: 46-52.

- Angold M. The Fourth Crusade: Event and Context. London: Pearson Education, 2003. 281 p.
- Angold M. The Road to 1204: the Byzantine Background to the Fourth Crusade // *Journal of Medieval History*. 1999. Num. 25. P. 257-278.
- Ayala Martínez C. de. Alfonso X y sus relaciones políticas con la Corona de Aragón: los decisivos años de la alianza gibelina (1264-1274) // *Relaciones de la Corona de Aragón con los Estados cristianos peninsulares (siglos XIII-XV)*. Actas del XV Congreso de Historia de la Corona de Aragón, II. Zaragoza: Diputación General de Aragón. Departamento de Cultura y Educación, 1993. P. 41-71.
- Ayala Martínez C. de. Alfonso X: Beaucaire y el fin de la pretensión imperial // *Hispania*. 1987. No. 165. P. 5-31.
- Ayala Martínez C. de. Directrices fundamentales de la política peninsular de Alfonso X (Relaciones castellano-aragonesas de 1252 a 1263). Madrid: Antiqua et Mediaevalia, 1986. 367 p.
- Ayala Martínez C. de. Relaciones de Alfonso X con Aragón y Navarra // *Alcanate. Revista de Estudios Alfonsies*. 2004-2005. No. 6. P. 101-146.
- Barreras D., Durán C. Breve historia del Imperio Bizantino. Madrid: Ed. Nowtilus, 2010. 253 p.
- Bautista F. La composición de la "Gran Conquista de Ultramar" // *Revista de literatura medieval*. 2005. Vol. 17. P. 33-70.
- Brand Ch.M. Byzantium confronts the West, 1180-1204. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1968. 394 p.
- Cabrera E. Historia de Bizancio. Barcelona: Editorial Ariel, 2012. – 320 p.
- Campa Gutiérrez M. (ed.). La Estoria de España de Alfonso X. Estudio y edición de la *Versión crítica* desde Fruela II hasta la muerte de Fernando II. Málaga: Universidad de Málaga, 2009. 596 p.
- Canning J.P. Introduction: Politics, Institutions and Ideas // *The Cambridge History of Medieval Political Thought*, c. 350-c. 1450 /Ed. by J.H. Burns. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 341-366.
- Cárdenas A.J. Alfonso's Scriptorium and Chancery: Role of the Prologue in Bonding the Translatio Studii to the Translatio Potestatis // Burns R.I., S.J. (ed.). *Emperor of Culture. Alfonso X the Learned of Castile and his Thirteenth Century Renaissance*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1990. P. 90-108.
- Charlo Brea L. (ed.). Crónica latina de los reyes de Castilla. Cádiz: Servicio de publicaciones de la Universidad de Cádiz, 1984. 126 p.
- Faci J. Roma y Constantinopla en la Edad Media: del desacuerdo a una primera ruptura // *Aragón en la Edad Media*. 1999. Vol. 14-15. Núm. 1. P. 473-486.
- Falque E. (ed.). *Lucae Tudensis Chronicon Mundi* /Ed. Emma Falque. // *Lucae Tudensis Opera Omnia*. T. 1. Turnhout: Brepols Publishers, 2003 (Corpus Christianorum. Continuatio Mediaevalis, LXXIV). 412 p.
- Fernández Valverde J. (ed.). Roderici Ximenii de Rada Historia de rebus Hispaniae sive Historia Gothica. Turnholti: Brepols, 1987. 371 p. (Corpus christianorum. Continuatio mediaevalis, LXXII).
- Fernández Ordoñez I. (ed.). Estoria de España. Versión crítica. Estudio y edición desde Pelayo hasta Ordoño II. Madrid: Seminario de Menéndez Pidal. Universidad Complutense de Madrid, 1993. 569 p.
- Fernández-Ordóñez I. La transmisión textual de la "Estoria de España" y de las principales "Crónicas" de ella derivadas // *Alfonso X el Sabio y las crónicas de España / Al cuidado de I. Fernández Ordoñez*. Valladolid: Centro para Edición de los Clásicos Españoles, 2000. P. 219-260.
- Fray Juan Gil de Zamora (O.F.M.). *De preconiis Hispanie* /Ed. M. de Castro y Castro. Madrid: Universidad Complutense de Madrid. Facultad de Filosofía y Letras, 1955. 428 p.
- Gayangos P. (ed.). *La Gran Conquista de Ultramar que mandó escribir el rey don Alfonso el Sabio*. Madrid: Biblioteca de autores españoles, 1951. 683 p.
- Gómez Redondo F. Historia de la prosa medieval castellana. I. La creación del discurso prosístico: el entramado cortésano. Madrid: Cátedra, 1998. 1220 p.
- González Jiménez M. Alfonso X el Sabio. Barcelona: Ariel, 2004. 514 p.
- González Jiménez M. Fernando III el Santo. Sevilla: Fundación de la Casa de Lara, 2006. 407 p.
- González Mínguez C. Fernando IV de Castilla (1295-1312). La guerra civil y el predominio de la nobleza. Gijón: Ediciones Trea, 2017. 310 p.
- Harris J. Byzantium and The Crusades. London: Bloomsbury Publishing, 2014. 288 p.

- Hernández de la Fuente D.A. Breve historia del Bizancio. Madrid: Alianza Editorial, 2014. 336 p.
- Julianus Toletanus. Opera. Vol. I: Prognosticon futuri saeculi libri tres. Apologeticum de tribus capitulis. De comprobatione sextae aetatis. Historia Wambae regis. Epistula ad Modoenum / Ed. J.N. Hillgarth, B. Bischoff, W. Levison. Turnhout: Brepols, 1976. 337 p. (Corpus Christianorum. Ser. Latina. T. 115).
- Kasten L. Alfonso el Sabio and the Thirteenth Century Spanish Language // Burns R.I., S.J. (ed.). Emperor of Culture. Alfonso X the Learned of Castile and his Thirteenth Century Renaissance. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1990. P. 33-45.
- Laiou-Thomadakis A.E. A. Byzantium and the Crusaders in the Twelfth Century: Why the Fourth Crusade late in coming? // Laiou-Thomadakis A.E. Byzantium and the Other: Relations and Exchanges. Farnham: Ashgate Publishing, 2012. P. 17-40.
- Linehan P. History and the Historians of Medieval Spain. Oxford, 1993. 748 p.
- Melicharová P. William of Tyre: Shaping of Anti-Byzantine Sentiments in the Period preceding the Fourth Crusade // Sborník prací Filozofické Faculty Brněnské Univerzity. Studia minorá Facultatis Philosophicae Universitatis Brunensis. 2004. Num. 51. P. 5-16.
- Menéndez Pidal R. (ed.). Primera Crónica General de España /2 vols. Madrid: Seminario Menéndez Pidal; Gredos, 1977 (Fuentes cronísticas de la historia de España, I).
- Mitsiou E. The Byzantines and the “Others”. Between Transculturality and Discrimination // Byzantium as Bridge between West and East: Proceedings of the International Conference / Ed. by F. Daim. Vienna: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2015. P. 65-74.
- Nieto Soria J.M. Sancho IV de Castilla (1284-1295). Gijón: Ediciones Trea, 2014. 236 p.
- Orlandis J. Oriente y Occidente cristianos (1054-2004). Novecientos cincuenta años de Cisma // Anuario de Historia de Iglesia. 2004. P. 247-256.
- Philip J. The Fourth Crusade and the Sack of Constantinople. N.Y.: Random House, 2011. 416 p.
- Ullmann W. A History of Political Thought: the Middle Ages. L.: Penguin Books, 1965. 247 p.
- Ауров Олег Валентинович**, кандидат исторических наук, доцент, Школа актуальных гуманитарных исследований, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ША-ГИ ИОН РАНХиГС), ведущий научный сотрудник; olegaurov1@yandex.ru

Byzantine World in the Mirror of the Historical Writing in Castile and Leon in the 13th Century

The article is devoted to explain the origins and the peculiarities of the negative stereotypes evolution in the perception of Byzantium and Byzantine Greeks (*Greci, naturales de Greçia*) reflected by chronicles created in the medieval Iberian kingdoms of Castile and Leon of the 13th century in Latin and Vulgar (medieval Castilian) languages. The most important peculiarity of the presentation manner consisted in contraposition of the positive Greeks (philosophers, heroes and generals) of the Antiquity to the negative image of *Greci (naturales de Greçia)* of the Christian epoch. The real causes can be explained by the mainstream of the “Greeks” perception which dominated after the 4th Crusade (1204) from one side and by some internal peculiarities of Castilian and Leonian medieval historiography development from the other side.

Keywords: *Byzantium, Medieval Latin West, Reconquest, Medieval historiography, the 4th Crusade, cultural stereotypes, Alfonso X the Wise, Castile and Leon*

Oleg Aurov, PhD in history, assistant professor, School of Advanced Studies in the Humanities, Russian Academy of National Economy and Public Administration (SAS SPP RANEPА), senior researcher, olegaurov1@yandex.ru